

Рассказы о нечистой силе в лоемской локальной традиции (первые подступы к материалу)*

П. А. Истомина

младший научный сотрудник сектора фольклора, Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН. Россия, г. Сыктывкар.
E-mail: ms.polina1989@mail.ru

Аннотация. Исследование локальных традиций в настоящее время является одним из перспективных направлений в фольклористике. На территории Республики Коми ярким примером таких поселений может служить село Лойма с прилегающим кустом деревень. Лоемская фольклорная культура формировалась русскими переселенцами в условиях иноязычного окружения. Внимание исследователей данная традиция привлекла относительно недавно. В настоящее время имеется ряд публикаций, посвященных различным аспектам фольклорной культуры с. Лойма. Следует отметить, что мифологическая проза лоемской традиции практически не изучена, в настоящий момент активно ведется работа в этом направлении. В статье предпринимается попытка описания устных рассказов о мифологических персонажах, рассматриваются основные сюжеты и мотивы. Суеверная проза представлена несколькими группами текстов: о демонологических персонажах; о нечистых местах; о людях, обладающих сверхъестественными способностями, знающих с нечистой силой. Описание и анализ материалов на данном этапе пока только служит первыми подступами к дальнейшему исследованию темы.

Ключевые слова: суеверная проза, мифологические персонажи, демонология, русские традиции, Республика Коми.

В настоящее время вопросы изучения фольклорной культуры в локальных традициях стали особенно актуальными среди фольклористов. К рассмотрению этой проблемы в разное время обращались такие исследователи, как Б. Н. Путилов, В. И. Чичеров, В. П. Аникин, А. Н. Власов и др.

Понятие локальной традиции, по мнению А. Н. Власова, складывается из таких компонентов, как пространственная характеристика, включающая сумму записей фольклорных фактов, временная определенность, заключающаяся в степени сохранности фактов фольклорной культуры различных поколений исполнителей, «историко-социального и этнографического факторов, включающих самоидентификацию информанта как представителя данной местности и носителя культуры» [6, с. 10].

На территории Республики Коми в районах с преобладающим коми населением имеются компактные русские локальные поселения. Одним из примеров подобного локального ареала является с. Лойма с прилегающими населенными пунктами лоемского куста деревень Прилузского района. Интерес к этой фольклорной традиции обусловлен прежде всего ее малоизученностью. Первые упоминания о полевых исследованиях на данной территории обнаруживаются в материалах архивного фонда «Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева», в частности имеются рукописи корреспондента Усть-Сысольского уезда Н. Попова, в которых представлена характеристика быта и некоторые аспекты народной культуры жителей с. Лойма второй половины XIX в.¹ Комплексная фиксация фольклорно-этнографических материалов начала осуществляться только с конца XX в. На протяжении всего периода фольклористами неоднократно совершались экспедиционные выезды для сбора материала и выявления наиболее талантливых лоемских информантов.

В последнее время изучение лоемской традиции привлекает все большее внимание различных исследователей. На сегодняшний день имеются работы, посвященные отдельным фольклорным жанрам, в частности: рассмотрены стратегии современных исполнителей и

© Истомина П. А., 2018

* Работа подготовлена в рамках проекта № 18-6-6-25 по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН.

¹ См.: Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева : в 7 т. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008. С. 472–489.

сказочный репертуар лоемских информантов², сделаны наблюдения в области свадебного и заговорно-заклинательного репертуара³, представлены материалы по скотоводческой обрядности⁴, описаны рассказы о праздновании Рождества и святочного периода⁵.

В лингвистическом аспекте интерес представляют работы Т. Н. Бунчук, в которых описываются различные языковые особенности лоемского говора, а также его обрядовая терминология⁶. В совместной статье с Е. Л. Прописновой «Антропонимическая система села Лойма»⁷ авторы уделяют внимание исследованию антропонимической системы говора жителей с. Лойма, рассматривают личные имена и прозвища, которые функционируют в обозначенной языковой среде.

Впервые Лойма упоминается в 1620 г. в дозорной книге Сольвычегодского уезда («в этот уезд входила тогда Лойма и другие селения Лузской Пермцы – современного Прилузского района») [7, с. 137]. За период своего существования Лойма входила в состав многих административно-территориальных единиц: Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии. В 1921 г. Лойма наравне с коми селениями была присоединена к Республике Коми [7, с. 139].

По наблюдению Ю. А. Крашенинниковой, «жители, оценивая свою этническую, территориальную, языковую принадлежность, связывают себя в большей степени с вологодско-вятскими районами Русского Севера, отмечая, в некотором смысле, “ошибочность” присоединения их к Коми краю: «Лойма – не коми, здесь коми-то нету. Так в Спаснорубе, со Спасноруба-то коми пойдут. А так-то коми пишется у нас, коми пишется. У нас все русские, коми нету никого...» (Зап. 23.05.2004 г. от З. П. Куликовой, 1924 г. р., с. Лойма Прилузского р-на РК. Соб. Крашенинникова Ю. А. [ИЯЛИ: АФ 1536-5])» [9, с. 182]. Следует отметить, что лоемские жители осознают свою уникальность в культурном и языковом отношении от других русских и этим гордятся [3, с. 8]. Справедливо замечание А. Н. Власова о том, что «в самоопределении информанта и самоидентификации (к какой традиции он принадлежит) заложен важнейший механизм памяти традиции и сохранения/изменяемости традиционных форм народной культуры» [6, с. 10].

В экспедиционных записях содержится большое количество свидетельств о «тесных торговых и культурных контактах лоемцев с Устюгом, Лальском, Вологдой, Лузой» [9, с. 182]. Как отмечает Т. Н. Бунчук, «включение в социальную коммуникацию севернорусского культурного пространства поддерживало связи с другими русскими и препятствовало культурной и языковой ассимиляции» [3, с. 7].

В настоящей работе мы обратимся к текстам – рассказам о нечистой силе, записанным от современного севернорусского крестьянского населения. В связи с большим объемом ма-

² Шахматская П. А. Некоторые замечания о стратегиях современных исполнителей (на материале записей сказок нач. XXI в. из Прилузского района Республики Коми) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(1). С. 108–112; Крашенинникова Ю. А., Шахматская П. А. Лоемские сказки в записях XXI в. // Живая старина. 2014. № 1. С. 48–51.

³ Крашенинникова Ю. А. Лечебный заговорно-заклинательный репертуар русского населения с. Лойма Прилузского района Республики Коми (в записях нач. XXI в.) // Традиционная культура : научный альманах. 2013. № 3. С. 169–175; Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир : материалы междунар. науч. конф. Вып. 10. М., 2007. С. 33–51; Krasheninnikova Y. Charms and Incantational Magic of the Northern Russians (In Records of the Early Twenty-first Century) // Folklorica. 2009. Vol. XIV. P. 27–56.

⁴ Крашенинникова Ю. А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18–20.

⁵ Низовцева С. Г. Рождественская обрядность в устных рассказах жителей с. Лойма Прилузского района Республики Коми // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литература и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 16–23.

⁶ См.: Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4(28): Филология. С. 6–29; Бунчук Т. Н. Обрядовая терминология в говоре села Лойма Республики Коми // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Большакова. Псков, 2012. С. 67–72; Бунчук Т. Н. Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений // Научный диалог. 2012. № 3. С. 64–90.

⁷ См. Бунчук Т. Н., Прописнова Е. Л. Антропонимическая система села Лойма // Научный диалог. 2015. № 9 (45). С. 8–30.

териала о мифологических персонажах, остановимся только на наиболее интересных, с нашей точки зрения, примерах.

Рассказы о нечистой силе тесно связаны с календарным обрядовым комплексом, в частности с зимними Святками (период от Рождества до Крещения), временем, когда жители села собираются на посиделки, ряжеными совершаются обходы домов, парни и девушки гадают при помощи различных предметов.

Достаточно часто в местной традиции встречаются рассказы о неудачных гаданиях. Самым распространенным видом такого гадания является гадание на росстани (перекрестке дорог). Несколько гадающих берут коровью шкуру и идут на перекресток или к проруби, там расстилают шкуру, затем вокруг шкуры очерчивают круг и произносят определенные слова («А потом надо шкуру так вот кругом очертить. Как будто тоже со словами очерчивали. Ну там: “Спаси и сохрани”. Наверно, Господу Богу молились»⁸), в другом варианте нужно было прыгнуть на шкуру («На шкуру-то прыгают, чтобы ну до самой-то шкуры не надо след-от делать, а издали прыгнуть шкуру-то»⁹). После этого начинают прислушиваться к различным звукам, в частности частый звон колокольчиков предвещает скорую свадьбу, длинный удар церковного колокола – к смерти.

Данный тип гадания считается опасным, так как в представлениях славян перекресток дорог – пограничное пространство между нашим и потусторонним миром, локус, где обитают черти и другая нечистая сила, способная причинить вред человеку.

В одном из рассказов девушки пошли гадать на росстань, во время гадания их шкуру начало тащить: «И это говорит, шкуру-то у них понесло куда-то, потащило! Они не могут со шкуры-то слезти!»¹⁰ Не сумевши отговориться, девушки стали убежать, в это время их преследовала нечистая сила. Избавиться от погони девушкам помогли специальные слова, произнесенные хозяевами дома, в который они забежали.

В другом рассказе бабушка одной из девушек научила их гаданию, но забыла сказать слова для отговора. Когда девушки стали гадать, их шкуру отнесло на километр от места гадания. В это время бабушка вспомнила, что не научила девушек отговору от нечистой силы, и пошла их выручать.

Следует отметить, что окончание гадания обязательно должно было сопровождаться определенными словами («Уж то чули, уж то перечули, уж то полно, уж то перестань», «значит, мы наслышались, перестань уже, хватит»¹¹), иначе нечистая сила будет преследовать гадающего.

Используя другой способ гадания (на сон), одна девушка обратилась к черту с просьбой показать ей суженого: «Если у меня какой есть суженой, ряженой, дак пусть его чёрт принесёт, и говорит, покажется мне»¹². Через некоторое время девушка уснула и пробудилась от того, что почувствовала, как ее кто-то тянет за руку под кровать: «Ну она проснулась зарывкала сколько может. Говорит: “Ой, кто-то меня потащил”. Ак рука-то у неё так это покраснела всё»¹³.

В местной традиции распространены представления о том, что есть определенные люди, которые «знаются» с чертями. Как правило, таких людей подозревают в колдовстве и приводят признаки, по которым можно распознать колдуна (черные глаза, отводит взгляд, тяжело умирает и др.). Так, некоторые жители считали, что их односельчанин связан с нечистой силой, так как тот знал, сколько человек утонет за лето. Информант считает, что черти

⁸ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.06.2010 г., Республика Коми, Прилузский р-н, Лоемский с/с, д. Карповская, от Осташкиной А. В., 1935 г. р., ур. с. Лойма. Материалы записаны от жителей с. Лойма и населенных пунктов Лоемской администрации Прилузского р-на Республики Коми; далее в паспортах к цитируемым текстам указываем дату, собирателя, данные об информанте и населенный пункт, в котором была сделана запись.

⁹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 29.06.2010 г., пос. Коржинский, от Притчиной З. Ф., 1931 г. р., ур. д. Аксеново Лузского р-на Кировской обл.

¹⁰ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.06.2010 г., д. Карповская, от Осташкиной А. В., 1935 г. р., ур. с. Лойма.

¹¹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Ивановская (Гавриловская), от Кармановой Н. И., 1924 г. р., ур. д. Кузнецовская, Иевлева А. Я., 1940 г. р., ур. д. Ивановская.

¹² Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹³ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

сообщали мужчине, сколько им нужно утопленников: *«Не знаю, кто ему сказывал. Какие черти там выходили из рек, да ему сказывали, сколько голов, мол, надо»*¹⁴.

Про другого односельчанина рассказчица сообщила, что он был очень богатым и имел большую мельницу. К этому мужчине приходили черти и просили дать им работу. Некоторые жители замечали, что на втором этаже его дома иногда ночью плясали черти. Здесь мы видим распространенное представление о том, что с чертями могли «знаться» не только колдуны, но и люди определенных профессий: коновалы, мельники, пастухи. Так как чаще всего мельницы строили в безлюдном месте, вдали от населенных пунктов, они имели особый статус пограничного локуса. С одной стороны, мельница является важной частью в жизни крестьянина, с ее помощью производится мука, с другой – это место обитания враждебных сил (чертей, водяного), которые могут представлять опасность для человека [5, с. 8].

Одним из видов работы, которую выполняют черти, является собирание сена в копны. По одному из свидетельств, у женщины был муж, который использовал труд чертей в своей работе. Однажды жена пришла помочь мужу собрать сено, но тот сказал, что позовет на помощь своих друзей. После этого свистнул и женщина увидела, как черти, в облике небольших человечков, стали собирать сено в копны: *«Только копны летают! Носят, говорит, люди небольшие, как люди»*¹⁵.

Отметим, что черт может принимать образ умершего человека. Например, зафиксирован сюжет, в котором у женщины умер муж, жена сильно тосковала и плакала по нему. Однажды ночью он пришел к ней в гости. После этого муж стал часто посещать жену, дав запрет на то, чтобы та никому не рассказывала о нем. Женщина сообщила об этом событии одной из местных жительниц, и та посоветовала ей посмотреть на его ноги. При следующей встрече жена специально уронила кружку и увидела, что у мужа вместо ног копыта. Так вдова поняла, что к ней приходит черт. Испугавшись, женщина пошла в церковь и там долго молилась, после этого черт перестал к ней приходить.

Вредоносная деятельность колдуна может распространяться на многие сферы человеческой жизни, обладая сверхъестественными способностями, он может испортить скот, развести влюбленных, расстроить свадьбу, «забрать» дорогу, навести порчу и др.

В местной традиции имеют распространение рассказы о порче, которую наложил колдун, информантами приводятся описания различных вариантов ее проявления. Любопытно, что в таких текстах встречаются описания самой порчи как некоего существа, имеющего определенный облик. Например, в одном свидетельств повествуется о том, как на молодую жену была наведена порча. Парень встречался с одной девушкой, а женился на другой. Когда молодая жена пошла за водой, то забыла перед выходом из дома сказать определенные слова: *«Подёшь куды, дак надо: “Благослови, Христос” говорить. Ну она всё говорит, говорила. Уйдёт как по воду: “Благослови, Христос”. А тут пошла, да и забыла сказать-то»*¹⁶. В качестве защиты от магического воздействия женщине следовало произнести вербальную формулу (молитву), но так как она этого не сделала, то на нее была наложена порча: *«Вот придёт она по воду, дак никого нигде не видко. А только и говорит: “На молодую молодушку вскочу, на молодую молодушку вскочу»*¹⁷. С этой порчей женщина прожила всю жизнь. Перед тем как умереть, женщина родила эту порчу в виде некоего предмета, всего покрытого глазами: *«А умерла, дак у её муж-от говорит, она её родила, вышла она из её. Умирать-то стала дак порча-то вышла. Говорит вся в глазках, говорит вот с деревчо»*¹⁸.

В другом тексте описание порчи, оставляющей тело человека, представлено в виде шарика, который, покидая тело хозяйки, выломал окно и вылетел на улицу: *«У нас в деревне у одной порча, в деревне. Порча была, дак шарик окном вышел. Окном шарик. Изломал окно и вышел на улицу и порчи не стало»*¹⁹.

¹⁴ Зап. Рассыхаев А. Н., Липин В. Б., Экк С., 28.06.2010 г., д. Тарасовская (ул. Вотинская), от Шехониной М. И., 1925 г. р., ур. д. Вотинская.

¹⁵ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.06.2010 г., д. Карповская, от Осташкиной А. В., 1935 г. р., ур. с. Лойма.

¹⁶ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹⁷ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹⁸ Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Кузнецовская, от Лобановой А. П., 1920 г. р., ур. д. Филипповская.

¹⁹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 30.06.2010 г., с. Лойма, от Шехониной А. П., 1925 г. р., ур. д. Гарь.

По народных представлениям, зафиксированным в местной традиции, известно, что если колдуны не передадут свою силу, то умирают в тяжелых муках. В одном из таких рассказов колдунья не передала никому свою силу, ее подняло по воздуху, вынесло на улицу и перевернуло лицом к земле. После этого она умерла. Как отмечает информант, после смерти гроб с колдуном из дома выносили не через проходную дверь, а по взвозу через повить: «А уже проходными дверями на улицу не выносили. [Колдунов?] Да. [Выносили через другой вход, да?] Через другой вход. Раньше повить звали, теперь, чё, сени, сени да сарай да, кто как назовёт»²⁰.

Не менее популярны рассказы о домовом. Основные функции этого мифологического персонажа: следить за хозяйством в доме, присматривать и ухаживать за домашними животными, предупреждать о чем-либо. В текстах реализуется довольно широкий перечень мотивов, из них основные: домовый душит спящего, предсказывает будущее, портит скот, заплетает животным косы и др. Широкое распространение получили сюжеты, связанные с воздействием домового на скот. Многие информанты указывают на то, что, если лошадь/корова приходилась не по нраву домовому, он начинал всячески ей вредить (гонять, заплетать косы и др.). Поэтому, чтобы этого избежать, при покупке выбор масти животного связывали с предполагаемыми предпочтениями домового.

Следует упомянуть о таком демонологическом персонаже, как маниха. Некоторые соотносят его с призраком, который манит. Чаще всего в качестве манихи выступает умерший человек: «Маниха у нас говорят, маниха. Манит, маниха. А что это? Ну вот это приведение-то, приведение-то говорит. "Ой, меня знаешь, что сёдня поманило!" Придёт одна женщина рассказывает. Ой, мне ведь ну-ко поманило, я говорит, вышла на улицу. Кто-то пошёл от нас, вот манит. Поглядела, оглянулась, глаза протёрла»²¹.

В качестве привидения могут выступать души, которых потревожили на кладбище. Так, люди копали могилу и не успели завершить свою работу. Один мужчина решил остаться на ночь, чтобы закончить дело. Вскоре он услышал голос, который спрашивал о том, для чего этот мужчина сюда пришел. Копальщик испугался и убежал домой, после этого он сильно пошедел. Как отмечает информант, это была душа человека, могилу которого мужчина потревожил: «Душа-то того человека, которого он пообидел, видимо, задел могилку»²².

В завершение следует отметить, что работа по изучению мифологической прозы лоемской традиции только начата и служит отправной точкой к ее более глубокому и детальному анализу.

Описание материалов позволяет нам говорить о том, что многие сюжеты и мотивы рассказов о мифологических персонажах являются достаточно распространенными и общеизвестными как на Русском Севере, так и в общероссийской традиции в целом. Представления о нечистой силе и вера в ее существование в сознании многих местных жителей на сегодняшний день не теряет актуальности.

Список литературы

1. Бунчук Т. Н. Обрядовая терминология в говоре села Лойма Республики Коми // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Большакова. Псков, 2012. С. 67–72.
2. Бунчук Т. Н. Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений // Научный диалог. 2012. № 3. С. 64–90.
3. Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4(28): Филология. С. 6–29.
4. Бунчук Т. Н., Прописнова Е. Л. Антропонимическая система села Лойма // Научный диалог. 2015. № 9(45). С. 8–30.
5. Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12(36): Филология. С. 6–22.
6. Власов А. Н. Пространственно-временные границы локальных/региональных традиций (опыт описания) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 10 : сб. науч. ст. М. : Гос. респ. центр русского фольклора, 2007. С. 7–22.
7. Жеребцов И. Л. Где ты живешь: населенные пункты Республики Коми : ист.-демогр. справочник. Сыктывкар, 1994.

²⁰ Зап. Крашенинникова Ю. А., 30.06.2010 г., с. Лойма, от Шехониной А. П., 1925 г. р., ур. д. Гарь.

²¹ Зап. Крашенинникова Ю. А., 29.06.2010 г., с. Лойма, от Суликовой Е. Г., 1932 г. р., ур. с. Лойма.

²² Зап. Крашенинникова Ю. А., 28.07.2009 г., д. Ивановская (Гавриловская) от Кармановой Н. И., 1924 г. р., ур. д. Кузнецовская; Иевлева А. Я., 1940 г. р., ур. д. Ивановская.

8. Крашенинникова Ю. А. Лечебный заговорно-заклинательный репертуар русского населения с. Лойма Прилузского района Республики Коми (в записях нач. XXI в.) // Традиционная культура : научный альманах. 2013. № 3. С. 169–175.
9. Крашенинникова Ю. А. Локальные традиции как этнические маркеры (ритуалы и поэзия Великого четверга с. Лойма на материалах XXI в.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 11. С. 181–189.
10. Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры и диалоги Прилузского района Республики Коми // Славянская традиционная культура и современный мир : материалы междунар. науч. конф. Вып. 10. М., 2007. С. 33–51.
11. Крашенинникова Ю. А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18–20.
12. Крашенинникова Ю. А., Шахматская П. А. Лоемские сказки в записях XXI в. // Живая старина. 2014. № 1. С. 48–51.
13. Низовцева С. Г. Рождественская обрядность в устных рассказах жителей с. Лойма Прилузского района Республики Коми // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литература и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 16–23.
14. Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева : в 7 т. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсусольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2008. С. 472–489.
15. Шахматская П. А. Некоторые замечания о стратегиях современных исполнителей (на материале записей сказок нач. XXI в. из Прилузского района Республики Коми) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(1). С. 108–112.
16. Krasheninnikova Y. Charms and Incantational Magic of the Northern Russians (In Records of the Early Twenty-first Century) // Folklorica. 2009. Vol. XIV. P. 27–56.

Stories about evil spirits in the loem local tradition (first approaches to the material)

P. A. Istomina

junior researcher of folklore sector, Institute of language,
literature and history of Komi Scientific Center of Ural branch of RAS. Russia, Syktывkar.
E-mail: ms.polina1989@mail.ru

Abstract. The research of local traditions is one of the perspective directions in folklore studies now. In the territory of the Komi Republic the village of Loyma with an adjacent bush of villages can be a striking example of such settlements. Loymsky folklore culture was formed by the Russian immigrants in the conditions of a foreign-language environment. This tradition drew attention of researchers relatively recently. Now there is a number of publications, devoted to the various aspects of folklore culture of the village of Loyma. It should be noted that the mythological prose of loymsky tradition is almost not studied, work in this direction at the moment is actively conducted. In article an attempt of the description of oral stories about mythological characters is made, the main plots and motives are considered. The superstitious prose is presented by several groups of texts: about demonologic personages; about dirty places; about the people having supernatural abilities, who are known with evil spirit. The description and the analysis of materials at this stage so far only serves as the first approaches to a further research of a subject.

Keywords: prose superstitious, mythological characters, demonology, Russians traditions, Komi Republic.

References

1. Bunchuk T. N. *Obryadovaya terminologiya v govore sela Lojma Respubliki Komi* [Ceremonial terminology in the dialect of the village of Loyma of the Komi Republic] // *Russkij yazyk i literatura v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve : materialy Mezhdunar. nauch. konf. : v 2 ch.* – Russian language and literature in the multicultural communicative space: materials of international scientific conf.: 2 parts / resp. ed. N. V. Bolshakova. Pskov. 2012. Pp. 67–72.
2. Bunchuk T. N. *Slovar' russkogo govora sela Lojma kak istochnik ehcnokul'turnyh svedenij* [Dictionary of Russian dialect of Loyma village as a source of ethno-cultural information] // *Nauchnyj dialog* – Scientific dialogue. 2012, No. 3, pp. 64–90.
3. Bunchuk T. N. *Yazykovej portret govora sela Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi* [Language portrait of the dialect of the village Loyma of Priluzsky district of the Komi Republic] // *Nauchnyj dialog* – Scientific dialogue. 2014, № 4 (28): Philology. Pp. 6–29.

4. Bunchuk T. N., Propisnova E. L. *Antroponimicheskaya sistema sela Lojma* [Anthroponimic system of the village of Lojma] // *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. 2015, № 9 (45), pp. 8–30.
5. Vedernikova N. M. *Mel'nicy i mel'nik v russkoj mifologii* [Mills and Miller in Russian mythology] // *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. 2014, № 12 (36): Philology. Pp. 6–22.
6. Vlasov A. N. *Prostranstvenno-vremennye granicy lokal'nyh/regional'nyh tradicij (opyt opisaniya)* [Space-time boundaries of local / regional traditions (description of experience)] // *Slavyanskaya tradicionnaya kul'tura i sovremennyj mir. Vyp. 10 : sb. nauch. st. – Slavic traditional culture and the modern world. Issue 10: coll. of scient. art. M. State Rep. Center of Russian Folklore*. 2007. Pp. 7–22.
7. ZHerebcov I. L. *Gde ty zhivesh': naseleennyje punkty Respubliki Komi : ist.-demogr. spravochnik* [Where you live: settlements of the Komi Republic: hist.- demogr. handbook]. Syktyvkar. 1994.
8. Krasheninnikova YU. A. *Lechebnyj zagovorno-zaklinatel'nyj repertuar russkogo naseleniya s. Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi (v zapisyah nach. XXI v.)* [Medical spell-conjuration repertoire of the Russian population of the village Lojma of Priluzsky district of the Komi Republic (in the records of the early XXI century)] // *Tradicionnaya kul'tura : nauchnyj al'manah – Traditional culture: the scientific almanac*. 2013, No. 3, pp. 169–175.
9. Krasheninnikova YU. A. *Lokal'nye tradicii kak ehnicheskie markery (ritualy i poehziya Velikogo chetverga s. Lojma na materialah XXI v.)* [Local ethnic traditions as markers (rituals and poetry of Holy Thursday in Lojma on the materials for the twenty-first century)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State Humanities University*. 2014, No. 11, pp. 181–189.
10. Krasheninnikova YU. A. *Svadebnye prigovory i dialogi Priluzskogo rajona Respubliki Komi* [Wedding sentences and dialogues in Priluzsky district of the Komi Republic] // *Slavyanskaya tradicionnaya kul'tura i sovremennyj mir : materialy mezhdunar. nauch. konf. – Slavic traditional culture and the modern world: materials of Intern. scientific conf. Issue 10. M. 2007*. Pp. 33–51.
11. Krasheninnikova YU. A. *Skotovodcheskaya magiya russkogo naseleniya sela Lojma* [Pastoral magic of the Russian population of the village of Lojma] // *ZHivaya starina – Live antiquity*. 2009, No. 3, pp. 18–20.
12. Krasheninnikova YU. A., SHahmatskaya P. A. *Loemskie skazki v zapisyah XXI v.* [Lojma tales in the records of the twenty-first century] // *ZHivaya starina – Living antiquity*. 2014, No. 1, pp. 48–51.
13. Nizovceva S. G. *Rozhdestvenskaya obryadnost' v ustnyh rasskazah zhitelej s. Lojma Priluzskogo rajona Respubliki Komi* [Christmas ritual in the oral stories of the inhabitants of the village of Lojma of Priluzsky district of the Komi Republic] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Philological studies – 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction: coll. art. by A. Krasheninnikova*. 2017. Syktyvkar. Pp. 16–23.
14. *Russkie krest'yane: ZHizn'. Byt. Nravy : materialy «EHtnograficheskogo byuro» kn. V. N. Tenisheva : v 7 t. T. 5. Vologodskaya guberniya. CH. 4. Totemskij, Ust'sysol'skij, Ustyugskij i YArenskij uezd – Russian peasants: Life. Gen. Manners: proceedings of «The Ethnographic Bureau» of book of V. N. Tenishev: in 7 vol. Vol. 5. Vologda province. Part 4. Totma, Ust'sysol, Ustjug and Yarensk counties. SPb. 2008. Pp. 472–489.*
15. SHahmatskaya P. A. *Nekotorye zamechaniya o strategiyah sovremennyh ispolnitelej (na materiale zapisej skazok nach. XXI v. iz Priluzskogo rajona Respubliki Komi)* [Some remarks on the strategies of contemporary artists (based on the records of the early XXI century tales of Priluzsky district of the Komi Republic)] // *Herald of Vyatka State Humanities University*. 2013, No. 2 (1), pp. 108–112.
16. Krasheninnikova Y. *Charms and Incantational Magic of the Northern Russians (In Records of the Early Twenty-first Century)* // *Folklorica*. 2009. Vol. XIV. Pp. 27–56.